КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

ОКТЯБРЬ

Грудень ни колеса, ни полоза не любитъ, нѣтъ ѣзды. Въ Воронежѣ и Тамбовѣ это грязникъ и листопадъ, въ Смоленскѣ грудень (отъ груда, колоть, мерзлая грязь), на сѣверѣ на востокѣ онъ зазимье, а встарь паздерникъ (отъ посдирать), а повсюду сватебникъ; ужь сѣверякъ оброснулъ листву, липа обронила ее до–гола и стоитъ, какъ лутоха; дубъ еще крѣпится, но только слава что листъ держится, а пожелкъ, побурѣлъ, покраснѣлъ, такъ что солнышко, проглянувъ, на немъ огнемъ играетъ. Одинъ только товарищъ дубу остался — горькая рябинушка: и красна, и пестра, а перистый листок еще болтается на вѣтру. Зелень осталась на одномъ только кустѣ, и то не нашемъ, а завозномъ, въ садахъ, на сиренѣ или, какъ удачно передѣлали ее, на синели;

она у себя дому морозу не видывала и не знаетъ какъ съ нимъ обходиться держатъ зеленый листъ до послѣдняго зазимья. Не сойдешъ и глухаря въ бору, сухой листъ шумитъ подъ ногами; русакъ уже выбрался на озимь, а беляку-горюну приходится плохо: онъ тоскливо поглядываетъ на предательскую шубу свою, которая заранѣ уже перебралась подъ масть снѣга, онъ жмется по опушкамъ, ждетъ, не дождется зимы.

Конецъ хороводамъ, начало посидѣлкамъ, кои впрочемъ на сѣверѣ начинались уже вмѣстѣ съ засидками, съ Семіона. Уже скотину закармливаютъ пожинальнымъ снопомъ, и съ Покрова ея болѣе въ поле не гоняютъ. Пастухи ищутъ пріюта, идутъ въ батраки, нанимаются молотить, либо берутся за бабью работу, мнутъ ленъ.

Покровъ землю покроетъ, гдѣ листомъ, а гдѣ и снѣжкомъ — мужикъ избу кроетъ, а не ухитишь до Покрова, не будетъ такова, то–есть тепла: захвати тепла до Покрова. Но Покровъ же и дѣвкѣ голову покроетъ, и

вотъ за что мѣсяцъ этотъ сватебникъ. Батюшка Покровъ, покрой сыру землю, и меня молоду; бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ — не меня ль молоду замужъ снаряжаетъ! Такъ приговариваютъ шаловливыя, веселыя невѣсты, готовясь разстаться съ дѣвичьей нѣгушкой и вступить въ призванье суровой жизни крестьянской домостройки; но иныя изъ нихъ судятъ иначе и направляютъ созерцательный взглядъ свой на невещественный, духовный бытъ человѣка — о чемъ у насъ рѣчь впереди.

Примѣръ всего земнаго шара, всѣхъ народовъ вселенной, доказываетъ намъ, что человѣкъ, по вѣрѣ и исповѣданіи своемъ, не можетъ обойдтись безъ внѣшней или вещественной обстановки, безъ обрядовъ. Безъ этихъ видимыхъ, насущныхъ признаковъ, большинство теряетъ избранную стезю и не можетъ на пути своемъ опознаться; только чувственныя явленія пробуждаютъ въ немъ мысль, или по крайности какое–то темное духовное настроенье, а затѣмъ и стремленье къ добру

и къ истинамъ вѣры. Самое значенье обрядовъ, въ чистомъ, неискаженномъ ихъ видѣ, есть представительство и прообразованье, они должны напоминать намъ объ истинахъ духовныхъ и нравственныхъ, кои умственно удерживаются тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе развита духовная сторона, чѣмъ грубѣе человѣкъ прикованъ къ насущной глыбѣ. Но тутъ неизбѣжно является соблазнъ иного рода: тупая привычка къ исполненію обряда, будто сущности дѣла, глушитъ, какъ сорная трава, добрую пшеницу: внѣшность заступаетъ вовсе дорогу духовному, обрядъ вытѣсняетъ мысль и чувство и замѣщаетъ ихъ; обрядъ становится сущностію, человѣкъ безсознательно впадаетъ въ кощунство, либо въ ханжество.

На сихъ началахъ основаны всѣ расколы наши, сомнѣнія, колебанія и отпаденія. Человѣкъ ищетъ истины, и вѣчно блуждаетъ: онъ блуждаетъ умомъ, коли дастъ ему необузданную свободу, и блуждаетъ волею, сердцемъ, коли отдастся

на произволъ увлеченія; онъ блуждаетъ и тупѣетъ, привязываясь къ одной внѣшности, обрядливости вѣры, онъ блуждаетъ и бредитъ, кидаясь въ противную крайность, въ умственную отвлеченную область духовнаго міра, желая уже во плоти отрѣшиться отъ насущнаго и жить однимъ духомъ.

Одно направленіе нашего раскола пошло по первому пути, то–есть, ищетъ сущности вѣры въ обрядахъ, въ одной внѣшности: это поповщина, или толки, кои ограничиваются требованьемъ исполненія всѣхъ обрядовъ по старинѣ, и безпоповщина, толки, идущіе далѣе этого, утверждающіе, что видимое, вещественное царство антихриста наступило, чему для нихъ служитъ уликой искаженіе обрядовъ и обычаевъ; они могутъ быть люди очень добрые и нравственные, но самое направленіе ихъ на одну внѣшность и обрядливость придаетъ имъ какую–то безразсудную тупость, упорство и нетерпимость; простодушные изъ нихъ кощунствуютъ, полагая сущность вѣры въ обрядахъ, а умные и развитые лукавятъ,

ханжатъ, изъ видовъ уже вовсе не духовныхъ. Крайнимъ звеномъ этого братства являются бѣгуны, коихъ основа ученія состоитъ въ нарушеніи всѣхъ гражданскихъ порядковъ и учрежденій, потому что они признаютъ ихъ дѣломъ діавольскаго соблазна.

Другое направленіе, которое, можетъ–быть, развилось по себѣ, а можетъ–быть, и вызвано первымъ, какъ всякая крайность вызываетъ другую, противную, какъ бревно на перевѣсѣ одинаково легко можетъ перевалиться и на тотъ, и на другой конецъ. Это направленіе, въ сущности своей, духовное, и говоритъ: церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ; оно отрекается отъ всѣхъ обрядовъ, не замѣчая при томъ, что невольно принимаетъ свои, особенные обряды, соблюдаемые съ ожесточеніемъ и неистовствомъ изувѣра, хотя они въ сущности одно пустосвятство. Хуже всего то, что и тутъ и тамъ является нетерпимость, увѣренность въ святости своей, въ избранничествѣ своемъ и ненависть къ разномыслящимъ. Это

духоборцы разныхъ толковъ, молоканы, и созерцательные толки христовщины, хлыстовъ, кои, въ крайней степени своей, являются кажениками или скопцами, а въ былое время были дѣтогубцами и сократильщиками, убійцами, ради спасенія души.

Гнѣздо созерцательныхъ толковъ у насъ въ среднихъ губерніяхъ: Тамбовской, Пензенской, Орловской, тогда какъ первое направленіе, расколъ обрядный, свойственно сѣверу и востоку; второе же занесено въ Тавриду, на Кавказъ и въ Сибирь ссылками и переселеніями цѣлыхъ общинъ. Строптивый Новгородъ искони плодилъ у себя расколъ старовѣрства, а обрусѣлая Мордва, обоихъ поколѣній, Эрзя и Мокша, склонны къ расколамъ смиренія, къ видѣніямъ и пророчествамъ. Только въ послѣднихъ, т.–е., созерцательныхъ толкахъ являются пророки и пророчицы, даже чудовищные самозванцы, подъ именемъ Христа и Богородицы. Въ сихъ же толкахъ мы встрѣчаемъ сходство съ нѣмецкими гернгутерами и американскими

шекерами, направленіе тупое, грустное, стремленіе къ косности и къ отреченью отъ міра. Этимъ духомъ вѣетъ даже по близости, въ сосѣдствѣ всѣхъ созерцательныхъ толковъ, и имъ заражено населеніе цѣлыхъ уѣздовъ и губерній. Женскій полъ, даже въ молодости, очень склоненъ въ тѣхъ мѣстахъ къ такому направленію. Именуясь православнымъ, прилежно посѣщая церкви, народъ исправляетъ всѣ требы, ходитъ на исповѣдь, но отказывается отъ причастія, признавая себя недостойнымъ; плясать — дьявола тѣшить, грѣшно; пѣсни поютъ одни сорванцы; степенная молодка или дѣвка не выйдетъ на хороводъ, танковъ не водитъ, а умница, на возрастѣ, накидываетъ на голову черный платъ, подколовъ его подъ бородою, потупляетъ глаза въ землю, ни на кого не взглянетъ, не улыбнется, лишняго слова не молвитъ, съ парнями не говоритъ вовсе, и черезъ годъ, другой, просится у родителей на спасеніе, въ келію, въ чемъ ей никогда почти не отказываютъ. Келейки эти, мѣстами, ставятъ на задахъ двора, и

тамъ келейница живетъ одна, чинно и тихо, выучивается грамотѣ, если не знала ея, читаетъ священныя книги, особенно псалтырь и требникъ, строго исполняетъ всѣ обряды церкви, не упуская ни одной службы, но для общества она пропала, къ мірскому безучастна. Но чаще келейки эти ставятся сподрядъ въ особомъ порядкѣ, сбоку или позадь села, безъ дворовъ и огорожи, и нерѣдко по двѣ келейницы живутъ вмѣстѣ. Это настоящій скитъ. Онѣ въ страду помогаютъ роднымъ въ уборкѣ, а прочее время занимаются рукодѣліемъ, пряжею, тканьемъ, а всего охотнѣе шитьемъ, плетеньемъ и вязаньемъ, и кормятся этимъ хорошо, даже даютъ помощь своимъ.

Этотъ странный обычай усиливается не только по мѣстности, но даже и по времени, будто повальная болѣзнь; порою всѣ дѣвки на селѣ вдругъ, словно рехнувшись, всѣми силами порываются въ келейницы, замужество почитается зазорнымъ — и на селѣ нѣтъ невѣстъ!

Такъ различны у насъ нравы, обычаи, а по нимъ и слѣдствія однѣхъ и тѣхъ же мѣръ: въ иномъ мѣстѣ стоило только распустить слухъ, что безграмотныхъ дѣвокъ вѣнчать не станутъ, чтобы въ одинъ годъ заставить всѣхъ дѣвокъ въ околоткѣ выучиться читать; въ другомъ же, напротивъ, грамотность дѣвки считается вѣрнымъ признакомъ скораго удаленія ея отъ міра.

Въ одной изъ такихъ мѣстностей, гдѣ близость нѣсколькихъ одинокихъ монастырей и женскихъ общинъ способствовали худо понятому духовному настроенію, лежало хорошее имѣніе Руфа Садоковича, село Царево–Стойбище, прозванное такъ, по преданію, отъ бывшаго тутъ стана Грознаго, во время похода его на Казань. Село это было привольное, земля добрая, въ круглой межѣ и въ достаткѣ, чернозему въ колѣно, лѣсу болѣе чѣмъ нужно, воды въ мѣру, луга богатые, такъ что завистливые дальніе сосѣди, жалуясь на свои неудобства, утѣшались поговоркою: какъ быть; не Царево–Стойбище, всѣхъ

угодій подъ одну руку не подберешь. И при этомъ селеніи выстроились исподоволь два келейные порядка: солдатскій или вдовій, безтягольный, куда селились малыми срубами и безъ усадебныхъ участковъ отставные, одинокіе, вдовы, солдатки, а другой келейный, скитный, дѣвичій, куда выходили дѣвицы, удаляясь отъ міра, и тамъ старились и доживали вѣкъ свой, по ихъ понятіямъ, въ богоугодномъ отшельничествѣ. Между этими двумя выселками или слободками были тѣсныя сношенія, и жители первой, ветхіе и убогіе, получали много помощи отъ келейницъ.

Руфъ Садоковичъ среднихъ лѣтъ, холостой, изъ числа тѣхъ плотненькихъ, алокровныхъ толстячковъ, которые охотно выгибаются немного назадъ, закладывая обѣ руки въ карманы, и вертятся какъ живчикъ. Плотность, и даже брюшко, нисколько не умѣряютъ живости его, проворства, подвижности и дѣятельности; сѣренькіе глазки его горятъ жизнію, каждая черта круглаго, алаго лица его играетъ, улыбочка всегда на устахъ, и онъ самъ весь

кипитъ, какъ самоварчикъ; если онъ, призадумавшись на одну минуту, вдругъ повернется и проведетъ себя рукою по приглаженной маковкѣ, будто ощупывая, нѣтъ ли уже плѣшинки, то это значило, что дѣло сложилось у него въ головѣ, кончено, рѣшено, и быть по сему. Далѣе пяти минутъ онъ ни надъ чѣмъ не призадумывался, судилъ и рѣшалъ здраво, удачно, и ничѣмъ не затруднялся. Такъ онъ служилъ, такъ въ пять минутъ вышелъ въ отставку, такъ поѣхалъ въ Сибирь и набралъ доходныхъ золотыхъ паевъ, такъ онъ, устроивъ это дѣло и погладивъ себя по головкѣ, прикатилъ въ родовое имѣнье свое, Царево–Стойбище, чтобъ устроить его и жить отнынѣ въ кипучей дѣятельности на покоѣ. Онъ никогда не хворалъ, ѣлъ и пилъ всегда хорошо, но умѣренно, вѣку положилъ себѣ всего 60 лѣтъ, первую треть его посвятилъ ученію, образованію, вторую — жизни общественной, гражданской, поучаясь при семъ впрочемъ на сколько и гдѣ можно, а наконецъ послѣднюю треть рѣшилъ дожить осѣдло,

на покоѣ, какъ онъ выражался, то–есть, перестроить все хозяйство по–своему, раскатывая между тѣмъ безпрестанно во всѣ стороны и выписывая во всѣ мѣста, гдѣ ему чаще случалось бывать наѣздомъ или проѣздомъ, по три газеты, чтобы нигдѣ не оставаться трехъ дней безъ послѣднихъ новостей, чтобы какое–нибудь нечаянное событіе не захватило его врасплохъ. Руфъ Садоковичъ скоро ѣлъ, скоро спалъ, былъ всегда свѣжъ и на ногахъ, не тягостился дѣлами, ни хлопотами, умѣя рѣшать ихъ быстро, а коли вервь не сучилась, то отрубалъ ее топоромъ и принимался за иное. Въ кругу власти своей, захватывая даже иногда немножко чрезъ край, онъ противорѣчія и помѣхъ не терпѣлъ, ворочалъ всѣмъ какъ бы шутя, и ему все сходило съ рукъ и все удавалось; если же изрѣдка наскакивала коса на камень, то онъ смекалъ это всегда во время, не настаивалъ, не ссорился, а уклонялся вдругъ въ сторону, будто уступалъ, и также внезапно и нечаянно достигалъ цѣли своей инымъ путемъ, гдѣ оплошность противниковъ

натиску его не ожидала. Послѣ того онъ смѣялся въ кулачокъ, обращая дѣло въ шутку и оставаясь со всѣми въ добромъ согласіи.

Быстро обозрѣлъ онъ вотчину свою, сдѣлалъ тотчасъ же нѣкоторыя распоряженія, пріучая старосту рѣзкими, короткими и ясными приказаніями своими не пропускать ни одного словечка мимо ушей и не откладывать никакого исполненія, безъ разумныхъ причинъ, до завтраго, а чему была не пора, тѣмъ онъ памяти старосты не обременялъ, мыслей его не развлекалъ, а удерживалъ за собою, безъ записки, потому что самъ никогда и ничего не забывалъ.

— Ну, сказалъ Руфъ Садоковичъ, толкуя со старостой, который и самъ словно ожилъ и помолодѣлъ, при толковой и короткой расправѣ этой, — ну, братецъ, вотъ я пробѣжалъ посемейные списки наши: мало сажаешь на тягло. Есть парни зрѣлые. Надо женить ихъ.

— Вотъ про это–то дѣло и я хотѣлъ доложить вашей милости, началъ тотъ, съ

тяжелымъ вздохомъ, — и не знаю какъ быть тутъ, такая бѣда!

— Какая бѣда?

— Да вѣдь дѣвки–то у насъ всѣ не туда глядятъ, не совладаешь съ ними, какъ вотъ вашему разсужденію угодно будетъ, а вѣдь намъ что съ ними дѣлать!

Руфъ Садоковичъ только–что прибылъ въ вотчину свою, гдѣ прежде бывалъ лишь наѣздомъ, не успѣлъ еще спознаться со всѣми мѣстными обычаями, и потому не понималъ загадочныхъ словъ старосты; заставивъ же его разказать и объяснить толкомъ, въ чемъ дѣло, онъ услышалъ, что Царево–Стойбище вовсе обнищало невѣстами, которыя поголовно уходятъ въ келейный рядъ, въ богомолки, стяжая вѣчное спасеніе. Какъ только дѣвчонка станетъ входить въ года, такъ ее тотчасъ товарки берутъ въ свой табунъ, объяснялъ староста, и набьютъ уши спасеньемъ; глядишь, а она ужь и черный платъ на голову накинула, и плачетъ денно и нощно: мамынька, не бери грѣха на душу, отпусти меня въ старики, къ сестрамъ въ келейку!

Ужь и то бывало, что строгіе отцы не пускали, такъ вѣдь ничѣмъ не возьмешь, она все свое, вонъ одна, Мотылева, сама на себя было руку наложила; у Тараса тоже, ну, мужикъ справный, дѣльный, умный мужикъ, нечего сказать, онъ было и просваталъ дочь–ту, и рукобитье было, и на столъ взято, и пиво сварено — ну, что хошь дѣлай, нейду, да и только; и посѣкъ онъ ее раза два таки порядкомъ, и попа призывалъ, и сулилъ ему за это, такъ и попъ ничего не сдѣлаетъ, она крѣпче его на своемъ стоитъ; такъ и разошлись, и убытку понесъ отецъ–то на этомъ, попусту пиво роспили. Бирали мы когда–то со стороны дѣвокъ, напримѣръ, такъ ужь не даютъ теперь, и такъ задолжали мы кругомъ; а вотъ и сладилъ я было съ сосѣдками нашими, да опять разбили, барыни разбранились, поссорились, ну, теперь ни за что не даютъ.

— Съ кѣмъ поссорились, за что?

— Да все изъ пустяковъ, сударь: сельцо Мокруша, Анны Мироновны, на седьмую часть ей досталось, ну, и призвали его

Сёмухой, такъ оно и пошло, Сёмуха да Сёмуха; а Пищухино, Ѳедоры Ивановны, нехорошо прозвалъ народъ, не при вашей милости будь сказано, Пустосёловымъ зовутъ; вотъ барыни тѣ обѣ этимъ обижаются; что за Сёмуха, говоритъ Анна Мироновна, коли оно Мокруша; какое Пустосёлово, говоритъ Ѳедора Ивановна, у меня Пищухино, а не Пустосёлово! А чего, Пищухино, и всего–то 20 душонокъ, а въ Сёмухѣ–то и того нѣтъ — вотъ онѣ сперва стали этимъ промежду собою попрекаться, а разссорились, а тутъ и наши дураки туда же, Сёмуха да Пустосёлово на зубокъ попало; барынѣ–тѣ на меня вскинулись, какъ, говорятъ, смѣете такъ безчестить насъ? А я что сдѣлаю, платкомъ глотки–тѣ всему міру не завяжешь, ну и осерчали, и отказали въ дѣвкахъ, а у нихъ двѣ есть, въ залишкѣ.

— А у насъ, много ли ихъ? Сколько въ кельяхъ, сколько по домамъ?

— Да въ кельяхъ, въ старкахъ то–есть, никакъ двѣнадцать, ну, на половину онѣ ужь и не молодыя, а вотъ по домамъ, по

семьямъ–то, что ужь года по два и по три просятся у отцовъ, дѣвокъ съ восемь будетъ; и ничѣмъ ихъ....

— Слушай: завтра поутру чтобъ были всѣ дѣвки эти, съ отцами и матерями, и всѣ молодые ребята, сколько есть на селѣ, кого отецъ–мать женить хотятъ, чтобъ были здѣсь, у меня, да еще просить отца Данила, чтобъ и онъ тутъ былъ.

На другое утро всѣ собрались. Руфъ Садоковичъ, потолковавъ недолго со священникомъ, позвалъ напередъ парней, спросилъ ихъ: хотятъ ли они жениться? и на поклонъ и отвѣтъ ихъ, что просятъ барской милости, велѣлъ имъ всѣмъ покинуть шапки свои въ одной кучѣ, посреди полу. Выславъ ихъ, онъ позвалъ отцовъ и матерей съ невѣстами.

— Здравствуйте! Я созвалъ васъ, чтобы потолковать о дѣлѣ и кончить его: я непоконченнаго ничего не покидаю: что это у насъ дѣлается? Говорятъ, вы дочерей не отдаете, въ засолъ, въ прокъ, что ли, ихъ прочите?

Отвѣты отцовъ, при поклонахъ, пожиманіи плечами и разводкѣ руками посыпались: мы, батюшка, не противники вашей милости — это ихъ воля — это ихъ воля — это онѣ сами дурятъ, промежъ себя, — спасенья своего ищутъ, батюшка, — мы люди темные, мы что говорить не знаемъ, а онѣ свое — тоже, вѣдь, боишься, какъ бы не согрѣшить передъ Богомъ, а ужъ тутъ воля ваша...

Матери, повидимому, также были въ раздумьи, иныя поблажали дочкамъ, другія были очень недовольны ими, но противъ общаго голоса или обычая ничего не могли сдѣлать; одна изъ послѣднихъ, почуявъ, что бариново слово развязало ей язычекъ, вышла впередъ, съ поклономъ, и разсыпалась такимъ горохомъ, что Руфу Садоковичу пришлось заложить руки въ карманы, выставить ногу впередъ, и дожидаться той минуты, когда можно будетъ провести себя рукой по маковкѣ. У говоруньи этой всѣ были виноваты, одна она права и свята: и отецъ–то не знай чего глядитъ, и народъ–то словно рехнулся, и

попъ–то словно ихъ руку держитъ, и кончила тѣмъ, что надобы–де и отца и дочку–ту посѣчь, тогда все дѣло устроится.

— Дѣвушки, сказалъ Руфъ Садоковичъ, — подойдите сюда, на середку; слушайте: вы кому хотите угождать — Богу? Вы отъ кого спасенія чаете — отъ Бога? А чѣмъ же вы чаете обрѣсти спасеніе это, тѣмъ ли, чтобы слушаться и повиноваться завѣту Его, приказаніямъ, или тѣмъ, чтобы самодуромъ свои законы ставить, да вдвое грѣшить поклепомъ на Бога? Слушайте же, что Господь сказалъ, вотъ и отецъ Данила здѣсь, онъ не дастъ мнѣ именемъ Божьимъ говорить неправды: Создавъ человѣка, мужа, праотца нашего Адама, и посадивъ его въ рай земной, Богъ сказалъ: "Не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему помощника; и созда Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе Еву къ Адаму: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину." Вотъ что говоритъ Господь, а вы, ища

послушанія, смиренія и спасенія, ему повинуйтесь. Разбирайте шапки!

При второмъ, настоятельномъ приказаніи: разбирать шапки, дѣвки исполнили это робко, потупивъ глаза.

— Позвать ребятъ! Дѣвки, надѣвайте на себя шапки, живо!

Озадаченныя такимъ нежданнымъ оборотомъ дѣла, дѣвки надѣли шапки, поглядывая исподлобья другъ на друга, въ такомъ изумленіи, будто и сами не знали, что дѣлали; руки ихъ двигались только по привычкѣ повиноваться барину. Парни вошли:

— Разбирайте невѣстъ своихъ по шапкамъ, — сказалъ Руфъ Садоковичъ, — живо, ну!

Парни подошли къ дѣвкамъ, и разобравъ ихъ, по шапкамъ своимъ, стояли съ ними рядомъ.

— Ну, а кому жребій не выпалъ, продолжалъ Руфъ Садоковичъ, тотъ подымай шапку съ полу, да ступай горевать домой, дѣло не ушлое, авось еще найдемъ невѣстъ. Отцы и матери, благословляйте

дѣтей! кланяйтесь отцамъ въ ноги, женихи и невѣсты! Батюшка, помолимся, да благословите, вотъ восемь паръ молодыхъ! Дома ревѣть будете, прикрикнулъ онъ на дѣвокъ, — тутъ плачъ не кстати, плакать не мѣсто! Отцы, пиво мое, и двѣ овцы на каждую чету новоженовъ. Староста! купишь по два красныхъ платка на невѣсту, да чтобъ я этихъ черныхъ не видалъ! Въ твоемъ келейномъ ряду дай жеребей всѣмъ здоровымъ и молодымъ старкамъ, а по двѣ кельи въ годъ долой, сломать; объяви имъ это! Ну! старики и молодые, пиво мое, и по двѣ овцы; съ Богомъ, идите; дѣло кончено (и погладилъ себя по головкѣ), съ Богомъ, по домамъ.

И восемь сватьбъ сыграно было въ одинъ день.

В. ДАЛЬ.